

Борис БАБОЧКИН

ЮНОСТЬ БЫЛА РЯДОМ

Есть еще интересные работы. Радостно? Да. Но ведь и тревожно. Театр, с которым связал себя многими годами работы, дорог тебе, как женой, самый близкий человек. И вряд ли вообще на свете найдется художник, который мог бы попросить у жизни: «Остановись, мгновение! Ты прекрасно». Чем прекраснее мгновение, тем глубже ощущаются и неиспользованные еще возможности, и несбывшиеся еще надежды.

Пожалуй, один из самых ярких моих дней в минувшем году — выпуск воспитанников моей мастерской на актерском факультете Всесоюзного государственного института кинематографии. Ребята играли два акта из «Фальшивой монеты» М. Горького, «Свадьбу» М. Зощенко, один акт горьковской пьесы «Достигаев и другие» и «Стекланный зверинец» Т. Уильямса. Я вместе со зрителями этих спектаклей увидел, как окрепли их дарования, как расцвели, распустились еще

так недавно нераскрытые или неустойчивые творческие данные моих учеников. Я одобрял простоту и естественность их поведения на сцене. Мне было приятно сознавать, что все они достойно отразили подстерегающие каждого актера атаки со стороны сценических «штампов» и подражательства, что они не «произносили» текст ролей, а, пропустив его через свое личное мировосприятие, через свои индивидуальности, действовали искренне и свободно. Словом, многим они меня порадовали...

Но рядом с этим жили во мне и чувства грусти и тревоги: я расставался с моими воспитанниками, они уходили от меня в многотрудную, полную неожиданностей самостоятельную творческую жизнь.

Я слежу за судьбой каждого из них и стараюсь в меру сил вовремя уберечь их от кинематографического практицизма, который ничего общего с творческой практикой не имеет. Вместе с каждым из них я жду заветной, самой нужной роли,

которая поможет молодому киноактеру раскрыть то неповторимое, свое, во имя чего только и стоит идти в искусство. Опекать юность нельзя — вредно. Но помогать юности — долг каждого опытного человека, тем более педагога. Счастье, как видите, — сложная пора в нашей жизни.

...На моем рабочем столе дома — бережно хранимая стопка их писем. Перечитываю и радуюсь тому, что годы студенчества оказались для ребят счастливыми. Плохо, когда этого не получается. Пишет мне, например, одна из моих воспитанниц — актриса из Монгольской Народной Республики, человек, бесспорно, очень одаренный и трудолюбивый. Рассказывает о том, как работает в театре по многу часов, как нет у нее досуга, потому что все остальное время занимает кинематограф. Рассказывает, что очень устает и — счастлива. Я ее понимаю: до сих пор, несмотря на многие десятилетия актерского и режиссерского труда, я испытываю удовлетворение только вместе с усталостью от напряженного, много часового рабочего дня. И греет

меня такая фраза в письме из Монголии: «Ой, как мне хочется хоть одним глазком взглянуть туда, где прошли только НАВСЕГО четыре года!» Я вспоминаю: когда она приехала в Москву, она совсем не говорила по-русски, когда уезжала — лучше всех читала Пушкина...

Наверно, это был самый талантливый и человечески приятный курс из всех, которые я выпустил за свою жизнь. Старикам свойственно ворчать на молодежь: кажется, что в годы твоей юности все было лучше. Наверно, так и было, но — индивидуально, для тебя самого. Я же не нахожу никаких оснований быть недовольным молодым поколением, с которым прожил последние четыре года.

Это серьезные люди, вовсе не «шпана», как сказали бы о них в годы моей юности. Это хорошие люди, вызывающие уважение к себе, к образу своих мыслей, к своим поступкам.

Верю в них. И благодарен им тоже: за то, что они помогли мне поглубже взглянуть в их поколение и еще послужить ему, это поколению.